

М.В. Моисеев

КАСИМОВ, «МЕЩЕРСКИЕ МЕСТА» В РУССКО-НОГАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XVI СТОЛЕТИЯ

История «Касимовского царства» в XV–XVII веках до сих пор еще мало изучена. Только в последнее время исследователи обратили пристальное внимание к названной проблеме. Ряд вопросов, связанных с историей «Касимовского царства», и шире, служилых татар, имеют остро дискуссионный характер. Не решен вопрос о происхождении этнической группы касимовских татар¹. Предметом споров является и территория этого образования, и его статус, и фактическая история².

Возникшее в середине XV века, «Касимовское царство» рано начало играть существенную роль в казанской политике Москвы³. Ряд данных позволяет говорить об особом статусе Касимова среди татар. Так, именно в Касимове сформировался некрополь выехавших на Русь чингизидов⁴. По наблюдениям А.В. Белякова, территория «Касимовского царства», «как правило, не подвергалась татарским набегам»⁵.

Наше исследование посвящено изучению фактора Касимова в русско-ногайских отношениях XVI столетия. Дипломатические контакты России и Ногайской Орды начались в 1489 году, в связи с казанской политической Москвы. Ногайская знать требовала освободить плененного в 1487 году казанского хана Али. Постепенно русским дипломатам удалось склонить ногаев к сотрудничеству. Впрочем, оно не было длительным. Ногайская Орда в XV–XVI веках представляла собой довольно неустойчивое государственное образование: моменты могущества сменялись длительными междуусобицами. Вместе с тем орда с конца XV века стала обычным пристанищем для изгнанных чингизидов. Так, после убийства сибирского хана Ибака в 1495 году, его многочисленная родня укрылась в Ногайской Орде⁶.

Сибирские царевичи, оказавшиеся в руках ногайских аристократов подчиненные их политическим интересам, дестабилизировали политическую ситуацию в Среднем Поволжье в конце XV века. В 1496 году, в результате сговора ряда казанских аристократов с ногайским мирзой Мурчи, казанским ханом стал Мамук, брат погибшего сибирского хана Агалака. Вскоре казанская знать, возмущенная политикой нового хана, убила его⁷. В 1499 году Агалак, брат Мамука, совершил безрезультатный поход на Казань⁸. В 1500 году, по мнению В.В. Трапавлова, ногай, захватив город, имели конечной целью утвердить на престоле Агалака⁹. Возможно, в то время при нем был его племянник – Ак Курд. Во всяком случае, в 1507 году он сам вспоминал о совместной кочевке с дядей¹⁰. После бурных событий 1496–1500 годов сибирские Шибаниды исчезают из поля зрения источников и вновь возникают в 1507 году.

В это время русская дипломатия стремилась изолировать вышедшее из подчинения Казанское ханство от его степных союзников, ногаев¹¹. В августе 1507 года в Москву приехали послы ногайской аристократии, среди которых находился и посол Ак Курда – князь Куйят Телевлю¹². Курд изъявил желание стать союзником Василия III¹³. Великий князь в ответной грамоте, в ответ на стремление Ак Курда ехать на службу, приглашал его в Русское государство¹⁴. Продолжение переговоры с сибирским царевичем получили в следующем году. В августе 1508 года в составе ногайского посольства приехал сын Ак Курда – Ак Даulet, с людьми своего отца¹⁵. Ак Курд вспоминал, что за ним якобы посыпали князя В.И. Ноздроватого с целью посадить его в Казани¹⁶. Как известно, В.И. Ноздроватого, служившего при Мухаммед-Эмине, послали в 1502 году в Казань для ареста казанского хана Абд ал-Летифа¹⁷. На место арестованного вновь возвели Мухаммед-Эмина, и предполагать, что в Москве планировали иную замену, нет оснований. Очевидно, Ак Курд стремился найти своему желанию сесть в Казани ханом дипломатический прецедент. В пользу последнего обстоятельства говорит то, что сибирский царевич говорил о неоднократной посылке в Москву своего посла Телевлю («всяково же год»)¹⁸, но нам известно только одно его посольство в 1507 году. Далее, в тексте двух грамот (всего было привезено три) содержится просьба пожаловать один из двух юртов¹⁹. Первый – это Казанское ханство, второй, очевидно, – Касимов. Подобная настойчивость легко объяснима: в Ногайской Орде в то время шла внутренняя борьба²⁰, и Ак Курд, вероятно, стремился избежать ее превратностей, выехав на Русь²¹. 6 сентября 1508 года Ак Даuleту и послу ногайского мирзы Сайд-Ахмеда – Кудояру было велено явиться на двор. В ответную комиссию входили казначей Д.В. Овца-Ховрин, Ф.И. Карпов и дьяк Паюсов Болдырь²². Представители русской стороны отвели просьбы Ак Курда в связи с тем, что в Казани сидит Мухаммед-Эмин, на тот момент дружественный Москве, а в Касимове – «Янай царевич». Кудояр, посол Сайд-Ахмеда, предложил взамен дать Ак Курду «Андреев городок каменной», но русская сторона отметила принадлежность Андреева городка Янаю, тем

самым, отведя все притязания сибирского царевича. Когда Ак Даулет пришел к Василию III, тот подтвердил речи ответной комиссии и пожаловал тому «платно теплое». В тот же день состоялся отпуск послов, грамоту послано не было²³. Причина холодности русского двора к Ак Курду не вполне ясна. Возможно, что в тот момент, когда только-только были наложены отношения с Казанью, в Москве опасались их дестабилизировать приглашением на Русь чингизида-казака. Ак Даулет выехал позднее, вероятно, в связи с казахским нашествием на Ногайскую Орду. В 1518/19 году он находился в Мещере «на Толстике», в июле 1519 года участвовал в походе на Великое княжество Литовское «у передового полку на праве». В 1521 году – в Муроме, в 1528 году – в Торопце, в 1533 году – в Севере²⁴. У него был сын – Шах-Али. Упоминается на русской службе с июля 1534 года, когда он находился в Вязьме, 20 июля 1534 года переведен в Дорогобуж. В ноябре 1534 года участвовал в походе на Литву «у передового полку на праве». В 1538/39 году – в Торопце. В 1537 году – в Одуеве, в 1541 году – во Владимире, в полку правой руки²⁵. Принимал участие в отражении похода крымского хана Сахиб-Гирея в 1541 году, при выступлении на берег находился в большом полку²⁶. Тождество имен Шах-Али ибн Шейх-Аулияра и Шах-Али ибн Ак Даулета не раз приводило к путанице. Так, В.В. Трапавлов считает Шах-Али ибн Ак Даулета казанским царем²⁷, но, как известно, в Казани ханом был его тезка. В.В. Вельяминов-Зернов полагал, что Шах-Али Шибанский в 1532–36 годах мог находиться в Касимове²⁸. Впрочем, об этом у нас нет надежных данных.

В 1519 году Ногайская Орда пережила катастрофу: казахи, предводительствуемые ханом Касимом ибн Джанибеком, разгромили ногаев. Степняки были вынуждены откочевывать в Крымское ханство. Владения казахов простились вплоть до Волги. Утратив власть над своим юртом, ногайская знать «оказалась деморализованной и окончательно раздробленной». Только после смерти Касима в 1521 году ногаям удалось взять реванш. В 1523 году казахи были разгромлены и сами превратились в объект постоянных вторжений противника²⁹. Именно с этого года восстановились русско-ногайские отношения³⁰. К сожалению, посольская книга за 1523–1533 годы до нас не дошла, но можно в общих чертах представить ход русско-ногайских отношений, опираясь на материалы посольской книги за 1533–1538 годы и данные летописей. Известно, что ногаи в ту пору поддерживали казанского хана Сафа-Гирея, женатого на дочери ногайского мирзы Мамая³¹. В битве под Казанью 10 июля 1530 года русским войскам противостояли не только казанцы, но и астраханцы, а также ногайский отряд, возглавляемый сыном Мамая³². Русско-казанско-ногайское противостояние влекло за собой напряженность в русско-ногайских отношениях. В 1534 году ногайский бий Сайд-Ахмед жаловался малолетнему Ивану IV на то, что его отец «на всякое лето» посыпал мещерских казаков на его улусы и они угоняли лошадей. Исходя из текста грамоты бия видно, что мещерские казаки значительно затрудняли ногайско-казанские отношения. Так, касимовцы напада-

на караваны ногайских купцов, идущих в Казань и из Казани. Часть пленных ногаев находилась в Касимове³³. Но и у Русского государства были претензии к ногаям.

В январе 1534 года московские власти послали в Ногайскую Орду энца А. Бахметева. В грамоте, посланной бию Сайд-Ахмеду, объяснялись причины задержки его человека Батрака. Во-первых, это произошло из-за нападения его посла Сары и Баки³⁴, а после этого Батрак был задержан в связи с «немочью» Василия III. Более подробно это событие зложено в ответных речах оружничего Ф.И. Карпова ногайским послам 19 сентября 1534 года. Осенью князь Баки напал на Мещерские украины. Напавшие под «...городом стояли; посады жгли; и села воевали...». Потом ногаи повторили нападения на Мещеру³⁵. Время прибытия Батрака и набегов ногаев на «мещерские места» можно приблизительно восстановить, хотя и посольская книга 1523–1533 годов до нас не дошла. В Никоновской летописи за начало 30-х годов XVI века упоминается два ногайских посольства. Первое имело место в сентябре 1532 года, посланное Хаджи-Мухаммедом (в рус. ист. – Кошум) и другими мирзами. Второе – в августе 1533 года, прибывшее от Сайд-Ахмеда и от иных мирз³⁶. Согласно «Повести о болезни и смерти Василия III», великий князь 2 октября 1533 года сильно занедужил³⁷. Учитывая, что факт болезни и задержки Батрака хронологически близки, а также то, что он был представителем Сайд-Ахмеда, логичным будет предположить тождество ногайского посольства августа 1533 года с миссией Батрака. Время нападения ногаев, которое произошло после его приезда, но до болезни Василия III, соответственно укладывается в промежуток с 28 августа и по 2 октября, т. к. болезнь стала второй причиной задержки Батрака³⁸.

Активность ногаев на Мещерском направлении в начале 1530-х годов поначалу находилась в русле казанско-русского противостояния. Приказная документация свидетельствует, что наступление против России осуществлялось широким фронтом. Серьезному разорению с казанской стороны подвергались дворцовые земли в Узольской волости Балахнинского уезда Нижегородского края³⁹. В этом же контексте находился и набег ногаев на Мещеру. После переворота в Казани, когда из города изгнали Сафа-Гирея с женой, дочерью Мамая, часть ногайских мирз атаковала Мещеру, видимо, отстаивая династические права Сафы. В этом нет ничего удивительного. Известно, что подобным образом позднее действовал Юсуф, защищая права своей дочери Сююн-бике и внука Утямыш-Гирея на Казанское ханство⁴⁰. Столкновения ногаев и касимовцев серьезно осложняли русско-ногайские отношения. Во многих посольствах фигурировали жалобы ногаев на нападения касимовских татар. Особо отчетливо это видно на примере вопроса о полоне. В 1534–1538 годах освобождения пленных ногайские послы требовали 17 раз (всего посольств за этот период было десять⁴¹)⁴². Ногаи прямо указывали на касимовцев как виновников происходящего⁴³. Русские власти стремились урегулировать положение на «украинах». В проектах шертей включались

пункты, специально посвященные «полоняничному» вопросу: В 1535 году – о возвращении полона, который отбывают ногаи у крымцев; в 1536 году – об освобождении пленных без выкупа⁴⁴. Беспокоили правительство Е. Глинской и угоны ногаями русского населения в плен⁴⁵. На требования ногаев освободить пленных соотечественников московские власти проводили розыск, из результатов которого известно, что основным местом их содержания были Москва, Касимов и «дальние города»⁴⁶. Однажды Касимов. Противостояние касимовцев и ногаев грозило ходу русско-ногайских отношений и восточной политике России в целом. В 1538 году русские власти начали розыск в Касимове для наказания виновных Е. Глинской освободило 39 ногаев⁴⁷.

Параллельно с этим, правительство Е. Глинской в ответ на ногайские набеги активизировало градостроительство в Мещере. В декабре 1535 года было велено поставить «град древян» на р. Мокше в месте, называемом Рунза. Постройка объяснялась тем, что «в тех местах несть градов близу». Строительство закончили 27 марта 1536 года⁴⁸. В конце марта 1536 года из Москвы приказали переставить Темников «на иное место» на р. Мокше, т. к. старый город оказался «мал и некрепок». Переезд и перестройка Темникова были завершены 2 августа 1536 года⁴⁹.

Обострение русско-ногайских отношений вокруг Касимова и деятельности касимовских татар в 1533–1538 годах, на наш взгляд, нельзя объяснить целенаправленной политикой правительства Е. Глинской, якобы направлявшего «служилое казачество» на ногайские улусы, как это делает Е.В. Кусанинова⁵⁰. Из документов отчетливо видно, что нападения как касимовцев, так и ногаев не опирались на приказ центральных властей.

В пользу данного предположения говорит тот факт, что набеги ногаев на Россию не имели поддержки у бия Ногайской Орды Сайд-Ахмеда⁵¹. Более того, он отговаривал Мамая от эскалации конфликта и настаивал на замирении с Москвой⁵². Станицы касимовских татар, патрулировавшие степи, нападали на ногайских табунщиков и угоняли лошадей и людей. Это являлось источником дохода: и ногайские лошади, и сами ногаи неплохо раскупались в Москве. Правительству Е. Глинской в то время не к чему было обострять и без того сложные отношения с ногаями. Наоборот, проявляя известную твердость, оно старалось сгладить острые углы, возникавшие время от времени⁵³. Обострение «касимовского» вопроса в русско-ногайских отношениях возникало и позднее. Связано это было вновь с «полоном».

В декабре 1541 года казанский хан Сафа-Гирей осадил Муром. Среди его войска оказались и ногаи. Хан распустил людей грабить села. Русское правительство спешно стягивало к Мурому силы. Шах-Али получил приказ выдвинуться из Касимова к месту боев. По дороге касимовцы в Мещере «наехали» ногайских загонщиков. Ногаи были разбиты, русский полон «отполонили», а пленных степняков отослали в Москву⁵⁴.

В 1548–1549 годах правительство Ивана Грозного, в ответ на частые требования ногаев освободить пленных и оградить их от нападений⁵⁵, вновь потребовало от касимовцев прекратить набеги на ногаев⁵⁶. И в этом случае нельзя говорить о политике сглаживания касимовских татар и ногаев с стороны Москвы. В это время, наоборот, происходило сближение России и Ногайской Орды по казанскому и астраханскому вопросам. Ногаи правого крыла, как правило, подвергаемого нападениям касимовцев, принимали активное участие в казанской войне на стороне России⁵⁷.

Вновь объектом ногайских нападений Мещера стала в конце 1550 года. Ногайские мурзы (Уразлы, Отай, Тейляк, Араслан) со многими людьми напали на Мещеру и Старую Рязань. Рязанские и мещерские воеводы, объединившись, отразили набег. Ногаев постиг ужасный разгром: из всего отряда вернулось около 50 человек (по данным ногайской посольской книги, 30–40 человек⁵⁸). Мурза Тейляк оказался среди пленных⁵⁹. Ногайская элита, обеспокоенная судьбой соплеменников, требовала освободить пленных. Так, среди захваченных батыров оказалось пять нукеров бия Юсуфа и четыре человека Юнуса ибн Юсуфа⁶⁰. Исмаил хлопотал об освобождении 37 человек⁶¹. Подобная обеспокоенность объясняется тем, что, по донесениям русского посла в орде П.Д. Тургенева, среди участников похода, погибших или плененных, много «добрых» людей⁶².

Заманчиво представить этот набег как итог спланированной антирусской акции элиты Ногайской Орды. Однако материалы ногайской посольской книги не позволяют этого сделать. По донесениям русских гонцов, Белек Пулад, сторожевой нурадин⁶³, пытался остановить набег⁶⁴. По сообщению Юнуса его люди попали в число нападавших в определенном смысле случайно. Они приехали в улус (эль) Араслана с вполне мирной целью – жениться⁶⁵. Сами мурзы – участники набега – характеризуются русскими гонцами как «молодые» мурзы⁶⁶. В то время ни Уразлы, ни Араслан, никто другой из этой группы серьезного влияния в орде не имели. Расцвет их карьеры пришелся на 2-ю половину 1550-х годов. Все имеющиеся материалы об этом набеге позволяют его характеризовать как «беш-баш», татарский аналог казачьего похода «за зипунами».

После плена дочери Юсуфа – Сююн-бике, русские власти запретили ногаям посещать Касимов, запрет был снят только после женитьбы на ней Шах-Али⁶⁷.

С включением в состав России Поволжья острота касимовского вопроса была снята. Постепенно Касимов для ногаев становился местом дополнительного торга, после Москвы. При этом действовали определенные ограничения. Торг в Городке разрешался в виде исключения, если послы не смогли купить необходимого ранее. Посыпать в город рекомендовалось только «лучших» послов (2–6 человек) в одном струге в сопровождении толмача и сына боярского⁶⁸.

Рассмотрев касимовский вопрос в русско-ногайских отношениях, необходимо коснуться проблемы восприятия Касимова в XVI веке. В русской приказной документации всегда идет речь либо о Касимове, либо

Городке, либо Городке Касимове⁶⁹, но такого понятия, как «Касимовское царство», нет. Касимовские татары определялись как «татары Касымова городка»⁷⁰. Это, на наш взгляд, говорит о позднем происхождении данного термина, возможно, восходящем к знаменитому труду В.В. Вельяминова-Зернова. Касимов неразрывно связывался с тем, кто в нем сидел. Так, астраханский хан Ямгурчи в 1551 году желал служить Ивану Грозному как Шах-Али⁷¹. Исмаил, хлопочая о судьбе своего племянника Дервиш-Али, предлагал учинить его в Астрахани, «как Шигалея царя»⁷².

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Касимов в русско-ногайских отношениях первоначально не занимал особого места. Его возникновение на листах посольской книги в начале XVI века связано со стремлением помочь своему протеже Ак Курду. С 1530-х годов Касимов превратился в «точку кипения» русско-ногайских отношений. Этому способствовало два фактора. Во-первых, Мещера и, соответственно, Касимов лежали на ногайской сакме. Это приводило к нападениям степняков именно на эту территорию. Во-вторых, налеты касимовцев на ногайских табунщиков углубляли этот локальный конфликт, становясь тем самым головной болью русских дипломатов на долгое время.

Расширение России на Восток привело к отодвиганию границ глубоко в степь. Тем самым, Касимов переходил в тыл, и напряженность «касимовского» вопроса помалу ослабевала, и к 1570-м годам Касимов стал местом дополнительного торга для ногаев.

«Касимовское царство» как устоявшийся термин в XVI веке неизвестен. Владение касимовских царей везде определяется как Касимов. Правящими элитами постзолотордынского пространства он твердо понимался как подчиненное владение, дающееся за службу.

Таким образом, представления о «Касимовском царстве» как самостоятельном, в некотором роде, владении и целенаправленном использовании касимовских татар для терроризирования ногаев не имеют солидной фактической основы.

¹ См.: Шарифуллина Ф. Касимовские татары. Казань, 1991. С. 10–15.

² Подробнее см.: Беляков А.В. Касимовское царство в системе российских территорий XV–XVII веков // Московская Русь: специфика развития. Muscovy: Peculiarities of its Development. Budapest, 2003. С. 55–62; Он же. Чингисиды в России XV–XVI вв. (в печати) и ряд других работ этого автора.

³ Подробнее см.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империи X–XVI вв. М., 1996. С. 553–554; на связь Касимовского царства с казанской политикой Москвы указывают и зарубежные авторы. См.: Martin J. Moscovite Frontier Policy: The Case of the Khanate of Kasimov // Russian History. 19. Nos. 1–4. 1992. Р. 169–180; Коллман Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. С. 25.

⁴ См.: Беляков А.В. Касимов XV–XVII вв. как сакральный центр Чингисидов в России (в печати).

⁵ См.: Беляков А.В. Шацкие воеводы XVI – начала XVII вв. (в печати).

⁶ См.: Трапавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.; Моисеев М.В. Взаимоотношения России и Ногайской Орды в конце XV – начале XVI веков // Вопросы Отечественной истории. М., 2002. Вып. 5. С. 82–95. Подобное явление имело место и

- позднее. См.: Моисеев М.В. К истории выезда татар в XVI веке // Русский дипломатарий. М., 2003. С. 270–272; Комиссаренко А.И., Моисеев М.В. Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551–1556 гг. // Исторический архив. 2004. № 2. С. 201, прим. 14; с. 207, прим. 5, 12.
- ⁷ Моисеев М.В. Взаимоотношения... С. 88–89.
- ⁸ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 12. М., 2000. С. 250.
- ⁹ Трапавлов В.В. История... С. 137.
- ¹⁰ См.: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 (далее – ПК). М., 1984. С. 58.
- ¹¹ См.: ПК. С. 56.
- ¹² Там же. С. 58. (Он приехал с послом Алчагира).
- ¹³ См.: ПК. С. 58.
- ¹⁴ См.: ПК. С. 63.
- ¹⁵ ПК. С. 78.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Кистерев С.Н. Абдыл-Латиф и Мухаммед-Эмин на рубеже XV–XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 85–86.
- ¹⁸ См.: ПК. С. 78, 79.
- ¹⁹ ПК. С. 79.
- ²⁰ Там же; о междоусобице в орде см.: Трапавлов В. В. История... С. 143–155.
- ²¹ О внутренних конфликтах как стимуле выехать в истории Дешт и-Кипчак см.: Кузьмин А.В. Крещенные татары на службе в Москве: к истории Телебугиных и Мячковых в XIV – первой половине XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Сентябрь 2002. № 3 (9). С. 5.
- ²² См.: ПК. С. 83.
- ²³ См.: ПК. С. 83–84.
- ²⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. (далее – РК). М., 1966. С. 28, 62, 63, 66, 72, 83; ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 34.
- ²⁵ РК. С. 84, 86, 87, 90, 91, 103.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 101, 108.
- ²⁷ Трапавлов В.В. История... С. 144.
- ²⁸ Подробнее см.: Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 291–297, 313, 314, 357.
- ²⁹ См.: Трапавлов В.В. История... С. 157–162.
- ³⁰ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 102.
- ³¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 57.
- ³² См.: Там же. С. 47.
- ³³ Посольские книги по сношениям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 (далее – ПКСРНО). Махачкала, 1995. С. 92, 93, 100.
- ³⁴ Сары называется в посольской книге то мирзой, то князем. См.: ПКСРНО. С. 87.
- ³⁵ См.: ПКСРНО. С. 87, 101.
- ³⁶ См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 65, 79–80.
- ³⁷ Повесть о болезни и смерти Василия III / Подг. текста Н.С. Демковой // Библиотека литературы Древней Руси. XVI век. СПб., 2000. Т. 10. С. 26.
- ³⁸ В посольской книге об этом говорится прямо: «А после того (набега. – М.М.) поддержали есмя его за отца своего немочью». См.: ПКСРНО. С. 87.
- ³⁹ См.: Сироткин С.В. Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002. С. 148, 149, 150–151.
- ⁴⁰ См.: Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 5. Рязань, 2004. С. 34, 35.
- ⁴¹ Рогожин Н.М. Предисловие // ПКСРНО. С. 13.
- ⁴² См.: ПКСРНО. С. 93, 94, 131, 136, 156, 161, 165, 184, 186, 187, 190, 191, 192, 200, 204, 209, 210, 211.

- ⁴³ Там же. С. 136, 156, 161, 204, 209, 210, 211.
- ⁴⁴ Там же. С. 140–141, 171–172.
- ⁴⁵ Там же. С. 119–123.
- ⁴⁶ Там же. С. 100.
- ⁴⁷ Там же. С. 212, 231.
- ⁴⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 105.
- ⁴⁹ Там же. С. 109, 110.
- ⁵⁰ Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в XV – первой четверти XVII в. Автореф. канд. дисс... Волгоград, 1998. С. 13–14.
- ⁵¹ ПКСРНО. С. 91; Трапавлов В.В. История... С. 188.
- ⁵² ПКСРНО. С. 94, 96.
- ⁵³ Моисеев М.В. Из истории управления восточной украиной; Он же. «Поминки» в русско-ногайских отношениях (1-ая пол. XVI века) // (В печати).
- ⁵⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 135.
- ⁵⁵ ПКСРНО. С. 244, 245, 246, 249, 254, 289, 296, 309, 310, 320.
- ⁵⁶ Там же. С. 260, 290.
- ⁵⁷ Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы... С. 35.
- ⁵⁸ См.: РГАДА. Ф. 127. (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 161.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 127. (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Д. 4. Л. 76, 77 об.–78.
- ⁶¹ Там же. Л. 52 об., 66.
- ⁶² Там же. Л. 34.
- ⁶³ Об институте нурадинов см.: Трапавлов В.В. Нурадины Ногайской Орды // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993. С. 43–61.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 127. (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.–3.
- ⁶⁵ Там же. Л. 77 об.–78.
- ⁶⁶ Там же. Л. 2 об.
- ⁶⁷ Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы... С. 37.
- ⁶⁸ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подг. текста и комм. В.В. Трапавлова. М., 2003. С. 19–20; РГАДА. Ф. 127. (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Д. 1. (1583 г.). Л. 6.
- ⁶⁹ См.: РГАДА. Ф. 127. (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Д. 4. Л. 63, 83, 130, 181, 189 об., 195, 240 об., 245; РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 116.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 170.
- ⁷² РГАДА. Ф. 127. (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Д. 4. Л. 54, 104, 197 об.